

Виталий Тихонов

Советская историография 1920—1930-х годов:

ОТ АНТИИМПЕРСКОСТИ К ВЕЛИКОДЕРЖАВИЮ

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_66

Vitaly Tikhonov

Soviet Historiography of the 1920—1930s: From Anti-Imperialism to Great Power

Проблема «неимперской России» позволяет выйти на вопросы роли исторического знания в легитимации (и как следствие, делигитимации) имперских и антиимперских проектов. В этом ракурсе развитие историографии предстает не как процесс поиска объективного знания о прошлом, а в качестве идейного компонента различных социально-политических проектов. Одной из отличительных черт имперскости является представление о масштабной исторической миссии державы. Такой исторический мессианизм и делает державу империей в подлинном смысле этого слова, выделяя ее на фоне «нормальных» государств, чьи исторические амбиции куда скромнее. В этом контексте историописание является важнейшим инструментом имперского проекта, становясь одним из элементов его языка, символики и мифологии.

В XIX веке российская историческая наука построила устойчивый общеимперский нарратив, сочетающий государственнический пафос, идею национальной и религиозной (впрочем, по мере процессов секуляризации акцент сместился на культуру) миссии русских. Его краеугольными камнями стали вполне типичные для европейского исторического воображения того времени концепты или их вариации. В российском контексте особое значение приобрел культ государства, которое рассматривалось демиургом исторического процесса, доминирующим над обществом. В зависимости от идеологических предпочтений это рассматривалось либо как плюс, либо как минус.

Со второй половины XIX века культ государства дополнялся концепцией колонизации, презентующей русскую историю как процесс окультуривания исторического пространства народом и властью. Миф о колонизации можно назвать ключевым компонентом национальной по форме и государственной по содержанию российской историографии второй половины XIX века. Он придавал истории телеологичность, определяя ее как процесс освоения территорий, изначально предназначенных русскому народу и государству. В этом смысле он подпитывал историческую легитимацию Российской империи и ее культуртрегерскую миссию. Глобализация интересов великих держав сделала актуальными и геополитические аргументы. Включение нерусских народов в состав империи преподносилось как исторически неизбежное и закономерное явление, обусловленное комбинацией колонизационных, культурных (более высокий уровень цивилизации у русских по сравнению с завоеванными народами) и геополитических факторов. В официальной идеологии все это до-

полнялось династической историей. Разумеется, такой имперский нарратив постепенно подтачивали динамично развивающиеся уже во второй половине XIX века региональные и национальные нарративы.

Пришедшие к власти большевики видели свою революционную задачу в том числе и в разоблачении идеологии поверженного царского режима, его империалистической и колониальной сущности. История в этом контексте рассматривалась в качестве важного участка «исторического фронта». Следуя за марксистским постулатом об иллюзии внеклассового знания, видный партийный деятель историк М.Н. Покровский и его ученики немало потратили сил на выявление идеологической подоплеку исторических трудов классиков дореволюционной исторической науки. Покровский подчеркивал, что за фасадом объективности скрывались реальные классовые интересы, а историки-марксисты должны взломать этот «шифр», сорвать «камуфляж» с внешне академически беспристрастных исследований¹. Одним из направлений радикальной деконструкции стало выявление имперской и колониальной подоплеку трудов дореволюционных историков и их наследников.

Покровский считал Российскую империю типичной европейской колониальной державой, экономически и культурно эксплуатирующей захваченные территории и их население. Он высмеивал представления о бесконфликтном включении нерусских народов в Российское государство. Наоборот, теперь нужно было демонстрировать ужасы колониальных захватов и беспощадной эксплуатации аборигенов и поработанных народов².

Таким образом, в 1920-е годы советская историография прошла стадию радикальной «историографической зачистки» государственно-национального нарратива. Антиимперский и антиколониальный энтузиазм советских историков — марксистов подпитывался не только пафосом борьбы с «идеологией царизма», но и надеждами на мировую революцию, в которой, как считалось, угнетенные колониальные народы волеются в скором времени в революционные ряды.

Однако только разоблачения «царистской историографии» было недостаточно. На повестке дня стоял проект возвращения исторической субъектности ранее поработанным народам, что вписывалось в общую политику советской власти по форсированному развитию национальных культур для последующего рывка в социализм³.

На Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28 декабря 1928 — 4 января 1929) вместо привычной секции по истории России была организована секция истории народов СССР. Покровский объяснял это следующим образом: «...Мы поняли, — чуть-чуть поздно, — что термин “русская ис-

-
- 1 См.: *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая наука // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки: В 2 т. Т. 1. 2-е изд. М.: URSS, 2012. С. 10.
  - 2 *Golubev A.* No Natural Colonization: the Early Soviet School of Historical Anti-Colonialism // *Canadian Slavonic Papers.* 2023. No. 2 (65). P. 190–204; *Тихонов В.В.* «Деконанизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // *Quaestio Rossica.* 2024. Т. 12. № 1. С. 193–208.
  - 3 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М. РОССПЭН, 2011; *Хирш Фр.* Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / Пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

тория” есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и “единой, неделимой”. И далее: «История угнетенных народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя, но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей»⁴. Предполагалось, что нужно создать такую историю, в которой все народы СССР были бы равноправны. В целом данный историографический проект реализовывался на протяжении всех 1930-х годов⁵.

С конца 1920-х годов советская идеология постепенно перестраивалась под сталинским лозунгом «построения социализма в отдельно взятой стране», а СССР предстал как осажденная крепость. Все больше обозначался дрейф в сторону консолидирующих концептов («советский патриотизм», «дружба народов», «советский народ» и др.), а затем и откровенного великодержавия⁶. Политика никогда не была односложной и прямолинейной. На национальном фронте борьба с «великорусским шовинизмом» сочеталась с борьбой с «буржуазным национализмом». В зависимости от ситуации и целей сталинского режима на первый план выходило то одно, то другое. Символичным стало возвращение по инициативе Сталина классического исторического образования в школы и вузы.

Напряженная международная обстановка и необходимость мобилизации общества вокруг партии и ее вождя требовали понятных объединяющих лозунгов и наглядных примеров. Во второй половине 1930-х годов советская внешняя политика становилась все агрессивнее и ее программой минимум было возвращение утраченных после распада Российской империи территорий. В этом контексте понятно усиление военного и великодержавного компонента исторической идеологии. Историографический концепт «история народов СССР» выглядел как инструмент дробления консолидирующего исторического нарратива. Радикальный антиимперский и антиколониальный дискурс вытеснялся новыми веяниями, которые историки обозначают как «великое отступление», «сталинский русоцентризм», имея в виду постепенный дрейф идеологии от радикальной революционности, отрицавшей прошлое, в сторону прагматической пропаганды, этатистской (государственнической) по своей сути, оттеняющей фигуру Сталина и ориентированной преимущественно на русскоязычную культуру⁷.

Глобальные процессы играли в этом заметную роль. Общемировой консервативный поворот 1930-х годов, вызванный масштабным кризисом и успехами фашистских режимов, стал для СССР глобальным вызовом, а фашизм главным идеологическим триггером. Симметрично отвечая на него, советский режим все больше вписывался в данный контекст. Опасения вызывало

4 Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.XII.1928 — 4.I.1929; В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. С. IX.

5 Подробнее см.: Тихонов В.В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы // Россия и современный мир. 2023. № 1 (121). С. 168—182.

6 Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017.

7 Бранденбергер Д. Сталинский русоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. / Авториз. пер. с англ. Н.Г. Алешиной, Л.Н. Высоцкого, Л.Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2017.

стремление идеологических противников использовать исторические образы в пропаганде против Советского Союза. Например, А.М. Панкратова в 1937 году на обсуждении содержания вузовского учебника по истории указывала, что «японские милитаристы» с опорой на самих же советских историков, рьяно до этого разоблачавших ужасы царской эксплуатации Сибири, говорят о том, что русские принесли этому региону только страдания, поэтому его следует отторгнуть от СССР⁸. Таким образом, внешнеполитический фактор стал важнейшей причиной смены радикальной антиимперской идеологии на более мягкий вариант⁹.

Это настроение совпало со стремлением историков старой школы, возвращенных из ссылки после восстановления в середине 1930-х годов исторического образования, вернуть историописание в привычный им государственнический и русоцентричный модус. Ужасы крушения российской государственности в 1917 году снизили их либерализм, зато привили пиетет перед крепкой властью и великодержавием. Теперь интересы влиятельной части советской властной системы и авторитетных историков совпали. Е.В. Тарле, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, Б.Д. Греков, Р.Ю. Виппер и многие другие с искренним удовлетворением описывали величие русской истории и победы русского оружия. Особенно эти настроения усилились после победы во Второй мировой войне, превратившей СССР в мировую сверхдержаву.

Видимо, следует учитывать и настроения молодой военной и управленческой элиты. Речь идет о пришедших во власть после Большого террора кадрах, преимущественно русских по этническому происхождению, которые видели в предыдущем поколении управленцев, где было много «националов», в особенности евреев, своих прямых конкурентов. «Новую» элиту не устраивала радикальная борьба с «великорусским шовинизмом», в которой они видели инструмент получения особых преимуществ со стороны «националов». Ее представители хотели более позитивной оценки русской истории и культуры. Сталин и ряд его соратников чутко улавливали эти настроения, превращая их в доминирующие идеологические тенденции.

Полноценный поворот к государственным установкам, потеснившим (но не отменившим полностью) революционную романтику, произошел уже в последние годы Второй мировой войны и особенно ярко проявился в послевоенное время, воплотившись в «сталинском большом стиле», в том числе и в историописании¹⁰. При этом по-новому актуальными стали модифицированные историографические концепты, присущие еще дореволюционной историографии. Вернулся культ сильного государства, пусть и с оговоркой о его классовой и эксплуататорской сущности. Такие фигуры, как Александр Невский,

8 Тихонов В.В. История народов Сибири в советских школьных учебниках 1930-х гг. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 9: К юбилею В.В. Трепавлова / [Отв. ред. Дж.Я. Рахаев]. М.: Институт российской истории РАН, 2022. С. 316—327.

9 Об этом факторе см.: Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. London; New York: Routledge, 2015.

10 Об этом см.: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-история, 2016; Шишкова Т. Внеждановщина: советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Иван Грозный, Петр Великий, русские полководцы и деятели культуры прочно вошли в советский исторический пантеон. К ним присоединились, пусть зачастую и в роли «младших братьев», представители титульных наций союзных и автономных республик. Внешнеполитические успехи расценивались как критерий прогрессивности. Вернулся культ военных побед. Многие антицаристские восстания были признаны реакционными, мешающими приобщению менее развитых народов к культуре «великого русского народа». При этом геополитические аргументы звучали все громче. Так, все активнее использовалась формула «наименьшего зла», согласно которой присоединение к царской России было меньшим злом, чем присоединение к более отсталым империям Востока или панской Польше. Е.В. Тарле еще в годы войны заявил, что присоединение к Российской империи было благом, поскольку благодаря этому народы впоследствии стали частью Советского Союза. В послевоенное время формула «наименьшего зла» трансформировалась в формулу «абсолютного блага». Теперь история народов СССР представляла в качестве телеологического процесса, в котором они неизбежно должны были стать частью Советского Союза. Таким образом, СССР воспроизвел базовые компоненты имперского исторического нарратива. В определенной мере это стало следствием того, что Советское государство все равно вынуждено было опираться на структуры и воспроизводить многие практики, доставшиеся от Российской империи¹¹.

Я не хотел бы выносить вердикт по поводу имперской или неимперской сущности Советского Союза. Думаю, что все было сложнее. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что ряд модифицированных имперских и великодержавных концептов и мифологем дореволюционной историографии пришлось ко двору для советского исторического нарратива. Представление о дрейфе исторической идеологии от радикального отрицания дореволюционного прошлого к его частичному признанию и идеологической адаптации для нужд сталинского режима в целом справедливо. Думаю, что к этому подталкивала и логика развития Советского Союза как фактического наследника Российской империи.

Заметную роль в этом сыграли «имперские эксперты» (по терминологии Фр. Хирш применительно к этнографам), историки старой школы, чьи компетенции и концептуальные представления в определенный момент в целом совпали с запросом власти. Однако говорить о простом воспроизводстве не приходится. «Имперские концепты» мутировали и приобрели приемлемый для советской идеологии оттенок.

---

11 *Булдаков В.П.* Реванш империи: революционная синергетика и создание СССР // Имперская традиция в российской государственности в Новое и Новейшее время: Материалы международной научной онлайн-конференции, Москва, 20 мая 2022 года / Под ред. С.В. Леонова, Г.В. Талиной. М.: МПГУ, 2023. С. 17–31.